

18+

Александр Ермилов

ТАМАРА ВОЗВРАЩАЕТ ДОЛГ

Портрет обыкновенного безумия

Александр Ермилов

**Тамара возвращает долг.
Портрет обыкновенного безумия**

«Издательские решения»

Ермилов А.

Тамара возвращает долг. Портрет обыкновенного безумия /
А. Ермилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989612-4

Летним вечером Тамара слышит крики и громкий грохот. Выглянув в окно, она видит тело своего сына на смятой крыше соседского автомобиля. Пытаясь справиться с горем, Тамара листает старые фотоальбомы и принимает запрещенные вещества. Через несколько дней на пороге ее квартиры появляется сосед, требующий возместить нанесенный ущерб.

ISBN 978-5-44-989612-4

© Ермилов А.
© Издательские решения

Содержание

Тамара возвращает долг	6
Обида	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тамара возвращает долг Портрет обыкновенного безумия

Александр Ермилов

Моей семье

© Александр Ермилов, 2020

ISBN 978-5-4498-9612-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тамара возвращает долг

Открывая дверь квартиры, Тамара сорвала очередную приклеенную записку от Соседа. Разорвала на части, скомкала, с размаха выкинула прочь. Ключья бумаги с осколками слов из черного маркера крупным снегом осели на ступенях лестницы, закружились на ветру из открытой форточки. Глубоко вздохнув, Тамара отшвырнула туфлей пару-тройку оставшихся возле двери бумажных клочков и зашла домой.

В темноте коридора она пробралась в сумрак гостиной, освещенной включенным пухлым телевизором, и уселась в кресло рядом с диваном, на котором потертым мешком лежал муж. Лежал, почти не вставая второй или третий день, в окружении крошек, пустых бутылок пива и водки, остатков еды, соленых огурцов и сала, подложив под голову подушку, пропитавшуюся пбтом. Храпел, посапывал, хрюкал.

Тамара переключила телеканал, снова, переключала механически, бездумно нажимая на кнопку, и свет экрана периодически выхватывал ее из тьмы. Она часто так делала в последнее время или сидела неподвижно, высматривая на обоях видимые только ею узоры, тени от света уличного фонаря. Муж причмокнул во сне, зашевелился. Тамара пригладила его мокрые волосы, убрала со лба челку, привычно собрала бутылки, подмела крошки и прочее из-под дивана, кресла, возле тумбочки. Вновь под боком у мужа нашла старый фотоальбом, в котором калейдоскопом были выставлены в порядке взросления фотографии их сына. Она заставила себя убрать альбом на дальнюю полку, не открыв и не просмотрев как раньше. Но в те дни, которые именовались «После», когда с мужем вдвоем они сидели одной слипшейся горой слез, желая крепче обнять, забрать боль утраты друг у друга, они пересматривали этот альбом несколько раз в день, вспоминая события на каждой фотографии. Воспоминания эти помогали защититься от острых слов и гнилых вопросов знакомых и незнакомых людей, жаждущих узнать подробности, как и что, а потом еще и почему, но Тамара твердила и твердила каждому в лицо, что все вранье, непонимание тех, кому казалось, что все видел, да не видел, а только наблюдал.

«После» наступило, когда сын шагнул из окна их квартиры на девятом этаже и в тишине летнего вечера упал спиной на крышу соседского автомобиля. Тамара тогда услышала несколько вскриков, охи-ахи, причитания, просили вызвать «скорую», увести детей, «а откуда выпал?», «это сын Тамары!». Она выглянула из окна гостиной, потом в три прыжка оказалась в сыновней комнате, перед распахнутым окном, квадратом черного неба и кривыми ветками деревьев. «Нет-нет-нет», шагала вперед, «нет-нет-нет-нет-нет», а за подоконником, внизу — тело сына, вокруг него зеваки и любопытствующие прохожие, снимающие на камеру смартфона. В ушах у Тамары пульсировало, стучало, громычало, она кричала громче всех и бежала в домашнем халате и тапках по лестнице подъезда, молясь, а подбежав к сыну, трясла его, звала. Она смотрела на собравшихся соседей, беззвучно умоляя помочь. Черноту вечера раскалывали молнии вспышек фотокамер и включенных фонариков смартфонов, а после — сирены «скорой помощи» и полиции.

Приняв душ, она легла на кровать в спальне, ставшей теперь только ее комнатой. Не ела, не пила, ничего не желала, ничего не говорила. Разглядывала сквозь узорчатую занавеску вечерний город за окном, жилой дом напротив, откуда в Тот день высыпали соседи, гонимые любопытством и страхом от криков. Взгляды их тогда прилипли к стеклам, свесились с балконов, укромно спрятались за подъездными дверями. Но сегодня там светили лампы, люстры, мониторы компьютеров, телевизоры. Балконы пусты, только один мужчина, седой, в домашних засаленных шортах, с голым загорелым торсом и брюшком, покрытыми седыми или выгорелыми на солнце волосами, курил медленно и словно безмятежно, как раньше лениво и с удовольствием курил на балконе ее муж. Поднявшись, она обыскала джинсы мужа, нашла смя-

тую пачку сигарет и, выйдя на балкон, закурила впервые с окончания школы, не сводя взгляд с незнакомца напротив, тощий двор и узкие дороги. Тамара облила окрестности эхом кашля, снова, но курить продолжила натужно и тяжело. Удивительно, что после всего она по-прежнему кашляла от сигарет. Заметила кивок мужчины, его поднятую руку в приветствии с зажатой между пальцами сигаретой, и неожиданно для себя кивнула и помахала рукой в ответ. Курили почти синхронно, наблюдая друг за другом, словно вид каждого доказывал — мир вокруг настоящий, и они не одни.

Потом Тамара вернулась в комнату, где задернула шторы, вновь окунулась в темноту и попыталась заснуть. Крутилась-вертелась, нос заложен, в ушах снова привычно стучит, а где-то глубоко в груди болит и колет. Не желая больше слушать тишину одиночества и приглушенный храп мужа, она включила ноутбук, поставив себе на колени. Прищурив глаза от слишком яркого в темноте света, она привычно пролистала новости в соцсетях, бездумно и равнодушно пропустив мимо все новые фотографии друзей-знакомых, их высказывания и скопированные чужие мысли, мнения. Проигнорировав пару сообщений от подруг, она поспешно закрывала все вкладки браузера, когда заметила новое письмо на электронной почте. Имя автора неизвестно, составлено из беспорядочно собранных букв и цифр. Без темы и подписи. Пытаясь удалить письмо, Тамара случайно открыла его, и перед глазами замельтешили слова крупным разноцветным шрифтом «ВОЗМЕСТИ УЩЕРБ!». Слова прыгали и скакали под аккомпанемент веселой музыки из мультфильмов и смех анимационных персонажей над фотографией сына Тамары на смятой крыше автомобиля. Фотографировали сверху, максимально приблизив фокус, запечатлев вывернутую ногу, открытые глаза, свесившуюся руку. Стуча громко и сильно по клавишам, Тамара, наконец, удалила письмо. Несколько дней назад она разрыдалась бы, громко и беззащитно, но не теперь.

Возместить ущерб требовал Сосед — владелец автомобиля, на который упал ее сын. Едва завершились похороны, и Тамара вместе с мужем вернулась в опустевшую и на удивление тихую квартиру, к ним дробно постучал Сосед, будто намеренно проигнорировав кнопку звонка. Стучал кулаком, пинал носком ботинка дверь, а после высказывал в расписанные слезами опухшие лица Тамары и ее мужа претензии о поврежденном автомобиле, и страховая компания отказывается оплачивать ремонт, а машина почти новая, он никого к ней не подпускал, и кто-то должен заплатить. А кто испортил автомобиль? Ваш сын. Платите. Возместите ущерб!

Тамара вместе с мужем стояла в коридоре и смотрела на Соседа, словно и не слыша, едва замечая размытые всплески его рук, брызги изо рта, вздувшиеся вены на шее и лбу. Они смотрели на человека несколько секунд, а потом громко захлопнули дверь, искренне надеясь, что разбили ему нос металлом или хотя бы задели колени. Сосед приходил на следующий день, потом еще и еще, поздним вечером или ранним утром, ловил Тамару во дворе, внезапно выпрыгивал из-за дерева или угла дома, он даже нашел ее среди толпы на автобусной остановке, ткнув пальцем в плечо. Тогда она впервые накричала на него, чтобы оставил в покое их с мужем, скрылся, не появлялся на глаза, но Сосед только повторял и повторял слова «ущерб», «возместить», рассматривая в испуге ее покрасневшее от гнева лицо. Вечером Тамара стояла поперек входной двери, останавливая мужа, потиравшего кулаки, вознамерившегося поставить синяк-другой на лице Соседа. Через пару дней Тамара сорвала и выкинула в урну по пути на работу первую записку, оставленную Соседом на их двери: белый лист бумаги был расчерчен ровными заглавными буквами черного маркера, повторявшими надоевшее и заевшее требование. После работы она постучалась к Соседу, решив поговорить воспитанно и спокойно, чтобы пресечь его преследование, но, закрытый на все замки, он приглушенно спросил, при-

несла ли Тамара компенсацию. После ответа дверь не открыл, сказав возвращаться с деньгами, а слушать твои объяснения, Тамара, он не хочет и не обязан, возмести, наконец, ущерб.

Утром Тамара разорвала очередное письмо. Разорвала, пока шла на остановку, оставляя за собой след из мельчайших бумажных осколков, а потом тщательно вытирала руки влажными салфетками. Солнце блестело на зеркальных стеклах высотки. В дороге она встречала одних и тех же людей, сопровождающих ее на работу в одинаковое время, точное количество остановок повторялось изо дня в день. Подходя к офису, она вспомнила записку Соседа и остановилась, словно подняв внутренний ручной тормоз. Постояла, сосчитала проходящих сотрудников, количество раз открывшихся и закрывшихся дверей, вернулась обратно на остановку, попутно набирая номер телефона подруги. Подруга продиктовала номер телефона Знакомого, и Тамара договорилась с ним о встрече через час на задворках их квартала в тупике гаражного кооператива, где высокие густые кусты и овrag всегда манили к себе любителей повздыхать в темноте или подкараулить пугливых простаков. Там, возле белого кирпича гаража, она передала Знакомому деньги, он ей — небольшой пакетик, а потом ушел, петляя и быстро скрываясь вдалеке. Дома, в одиночестве и тишине, она раскрыла пакетик, сделала, как учили и показывали, а после закатила глаза, умоляя кого-то лишь об одном: встретиться бы с сыном. Но сына так и не увидела, только размытые круги, потом мыльные пузыри за окном, ее вытягивающиеся далеко за горизонт руки. Закружилась слегка голова, и... ничего. От скуки она включила телевизор, и почему-то телеведущая новостей показалась ей смешной и жалкой одновременно. Потом Тамара плотно поела, выпила пару литров воды и уснула в офисной одежде, не услышав, как домой вернулся муж.

Взяв отпуск, она в последующие недели дважды встречалась с теперь общим Знакомым в закутке гаражного кооператива, обменивая совместно нажитые с мужем деньги на пакетики с различным содержанием, пытаясь отыскать среди запрещенных препаратов возможность увидеться с сыном хотя бы в грезгах. Но желаемое так и не приходило, только мелькали картины забытья и серость реалий. Иногда она ловила взгляд мужа, видела его бормочущие осуждения губы, слова, словно услышанные в фильме о наркоманах, попытки образумить жену, будто она капризный ребенок, не желающий выходить из комнаты, пока не купят увиденную вчера на витрине игрушку. Позже взгляд мужа остался по-прежнему осуждающим, но губы плотно сжатыми, и он почти ничего ей не говорил. Наверное, он облегченно думал, что она хотя бы не отирается по наркоманским квартирам, не рыскает по грязному полу подъезда чужого дома в поисках дозы, продавая себя за крохи наркоты. Но такого и быть не могло, она постоянно дома, в спальне, путается в собственных размышлениях, примеряя возможные думы мужа. И беспокойство его беспочвенно, даже трусливо. Он всегда был трусом. И сына потому не убедил. Услышав грохот закрываемой с размаха двери, Тамара вдруг поняла, что все это сказала вслух, а не только в своей горячечной, невымытой пару недель голове. А голова внезапно зачесалась, и Тамара увидела себя в зеркало ванной: взлохмаченная, серая, даже черно-белая, с налетом желтизны на зубах и красными глазами. Через секунду ее стошнило, снова и снова, и Тамара даже помогла себе двумя пальцами в рот, будто хотела выbleвать все принятое за эти недели, все, сделавшее ее такой, возможно, ненавистной и брошенной мужем. Потом она умылась, почистила зубы, заплакала, сидя на холодной плитке пола, а заметив на себе пропитанные потом футболку и шорты, быстро сняла их, почти сорвала, и залезла в ванну. Отмокала в горячей воде час-другой, когда услышала щелчки замков, кашель мужа и шуршание пакетов в его руке. Так муж сменил Тамару, оккупировав диван и заливая в себя бутылку-другую поочередно и систематично, каждый день.

Постепенно Тамара перестала принимать запрещенное, стараясь забыть дорогу к овragу и гаражному кооперативу, и вернулась на работу, раньше прервав отпуск.

Письма появлялись каждый день, неизменно приклеенные на косяк двери слегка пожелтевшим куском скотча. И спустя неделю, на выходных, Тамара вновь поднялась к Соседу и постучала в его дверь дробно и требовательно, как когда-то он в день похорон. Уверенно сказала, что компенсация при ней, смотри — в кошельке, и только Сосед открыл дверь, просунув требовательно пухлую руку с потной ладонью, как Тамара кошкой прыгнула, оттолкнула его и ворвалась вихрем в квартиру. Сосед перекатился за ней слутым мячом, завизжал, требуя покинуть его дом, наглая ты женщина, Тамара, прочь и не смей больше меня беспокоить! Тамара уселась по-королевски в кресле, невинно сложив руки на коленях. Я пришла говорить с тобой, Сосед, не верещи! И указала ему на диван, предлагая присесть, словно он у нее в гостях.

Она осмотрела комнату, заметила множество фотографий: в рамках на журнальном столике, на стене, на рабочем столе ноутбука, и на каждой – автомобиль Соседа в разное время, в разных местах, один или Сосед рядом с ним, за рулем, смотрит в зеркало заднего вида. И Тамара вдруг поняла, что чехол на диване и кресле тоже с изображением автомобиля. На Соседе домашний халат с изображением автомобиля, волосы с бока зачесаны на лысину, блестят и словно прилипли к черепу. Стены комнаты покрыты фотообоями с автомобилем Соседа. А сосед трясется в кресле, сжавшись в тучный комок страха, катает модель своего автомобиля по журнальному столику, даже изображает сигнал клаксона, визг шин на поворотах между книгой, чашкой с чаем, тарелкой с куском торта и уложенной рядом вилкой. И словно нет Тамары рядом, вновь он один играет, и никто его не видит. Его усы изгибаются над губами, когда он пищит воображаемым тормозом, криком пассажиров в металлическом салоне опрокинутой модели машины. Тамара покашливает и смотрит прямо в глаза Соседа. А он, набравшись смелости, внезапно говорит, цедит слова, чтобы возместили ущерб, чтобы исцелили Ее, она единственная у него. Повторяет вновь и вновь написанное им множество раз, тараторит, даже один-два раза шепелявит, брызжет слюнями, но настаивает на своем. Тамара слушает его молча, и перед ней он еще продолжает жужжать мотором машинки. Она не будет ничего возмещать, говорит ему, может со своей машиной катиться далеко. Сосед подскакивает на ее словах, как на пружине, верещит, что Тамара обязана возместить все до копейки, ведь ее сын виноват, изуродовал Ее своим глупым самоубийством, и туда ему дорога!

Тамара громко закричала, прыгнула на Соседа, нанося ему удары один за другим, в лицо, в шею, пальцем в глаз, ребром ладони в горло, как видела когда-то в кино. Столик опрокинулся, на пол полетели чашка, тарелка, кусок торта, вилка и книга. Машинка, зажата пальцами-сардельками Соседа, спряталась в закромах его скользкой ладони. Но Сосед оттолкнул Тамару, весь его страх исчез, он зарычал и зашипел на нее, оскалив клыки, согнул пальцы на руках, словно когти, уронив игрушку, будто не заметив потери. Тамара на полу, попыталась встать, но мужчина ногой толкнул ее обратно на пыльный ковер и уселся сверху. Капли пота падают на женщину, от Соседа разит вчерашним обедом, нечищеными зубами, халат его пропитан запахом немытого тела. Тамара едва дышит, ее щеки обожгла пощечина, вторая, по каждой щеке. Она вскрикнула от боли, позвала на помощь, на глаза предательски набежали слезы. Она заметила, что Сосед изменился, его брови сдвинуты, он кривит рот, говорит что-то вдруг появившимся ниоткуда басом, вновь повторяет про ущерб, и Тамара его возместит сейчас же. Он развязывает узел пояса, и из распахнутого халата вываливается его огромный, полностью безволосый живот. Сосед начинает раздевать Тамару, почти бережно расстегивает пуговицы рубашки, неуклюже пытается стянуть с нее джинсы. Но не заметил, как Тамара дотянулась до вилки в высоком ворохе ковра, не сразу увидел, как женщина воткнула вилку в его лицо, проткнув щеку, выковырнув зуб. Он закричал, схватившись за вилку, попытался ее вытащить, но закричал сильнее, визгливее. Вдруг заплакал, как ребенок, заверещал. Выбравшись из-под него, Тамара с размаха бьет Соседа в живот, но смогла только повалить его на бок.

И он раненым боровом забарахтался на ковре, скуля и мотая руками-ногами в воздухе. Тамара вновь ударила его, но между ног, чувствуя под носком туфли что-то мягкое и желеобразное, а потом побежала из квартиры, скорее, вниз, к себе домой, в безопасность запертой толстой двери и тишины.

Прижавшись спиной к двери, она просидела так, не двигаясь, несколько раз разрыдавшись, словно по-прежнему ощущая на себе толстые потные руки Соседа, вонь из его рта. Ее вырвало на новый ламинат прихожей, уложенный всего пару месяцев назад, до смерти сына. Потом она заставила себя прекратить плакать, ведь никому не нужны твои слезы, Тамара, соберись, поднимись, нужно убрать все... вдруг муж проснется и обнаружит ее в луже слез и рвоты, а он не должен застать ее такой, и точно не должен узнать о случившемся, это она решила твердо и навсегда, иначе не избежать беды, избиения Соседа, возможно, его публичной казни во дворе возле его автомобиля.

Тамара вымыла везде полы, протерла пыль, долго вычищая комнату сына, как раньше, а потом долго терла себя мочалкой в душе, отмокала в ванне, несколько раз ныряя под воду в тишину мира и гул своих мыслей. Вытираясь, она вылила на себя половину флакона туалетной воды. Трижды почистила зубы, трижды прополоскала рот и сжевала огромный ком жевательной резинки. Переодевшись, Тамара легла в постель, но как обычно сон не приходил, и к мыслям о сыне примешивались воспоминания о нападении Соседа, его искаженное лицо над ней, как его толстые руки раздевают ее. Она вдруг подумала, что другая на ее месте давно бы вызвала полицию, рассказала бы мужу, брату, отцу, всем вокруг, чтобы они избили Соседа гурьбой и выгнали прочь, и он бы не жил рядом с ней. Но уснув на пару часов, на следующий день Тамара привычно ушла на работу.

Тамара по-прежнему сидела на кровати с закрытым ноутбуком на коленях, но вновь закутив. Дым заполнил ее легкие и рот, рассеялся по комнате, виляя на ветерке из балкона. Ярость, заполнившая ее грудь и сжавшая ей кулаки, теперь уходила с дымом. Подпрыгнув, держа сигарету губами, она принесла фотоальбом. Снова просмотрела фотографии, улыбнувшись той, где сын на пляже окутан брызгами в их первую семейную поездку на море. Мелькнуло его слегка испуганное лицо в первый школьный день, где среди других первоклассников, послушно сидящих за партами в ожидании фотографирования и знакомства с руководителем, сын пытался выглядеть смелым и радостным, но при каждой возможности прижимался к Тамаре и держался за ее руку. Она пролистала фотографии дальше, казалось, так же быстро, как прошли школьные годы сына, с удивлением обнаружила совместную фотографию с его первой любовью на день рождения и даже подумала выбросить ее, но просто перевернула дальше. Над губами у него едва проявился тонкий жгут усов, а челка закрыла брови.

Когда Тамара пролистала весь фотоальбом, она еще подержала его на руках некоторое время, ощущая тяжесть и холодную глянцевую обложку. Привычно посмотрела перед собой в темноту спальни, рассматривая мутные тени и косые полосы света уличного фонаря. В памяти смешались фотографии и письмо Соседа с изображением ее мертвого сына на крыше автомобиля. Тамара стиснула кулаки и зубы, снова не позволяя себе заплакать, и резко поднялась с кровати, точно зная, что нужно сделать. Понимание этого пришло к ней так же, как и решимость обратиться за помощью к запрещенным препаратам, резко пульсируя в голове непреодолимым желанием совершить задуманное.

На следующий день она позвонила Знакомому, а услышав его удивленный голос, не медлила, назначила встречу, и через час вновь ждала его возле белой гаражной стены, испуганно высматривая случайных прохожих. В его старой сумке Тамара порылась уверенно, по-хозяйски, словно и не было этого промежутка между встречами. Она искала белый порошок, кото-

рый вдыхают, резко втягивая через нос, и он остается снежной пылью на ноздрях, а в кино его еще картинно втирают в десны, упаковку с ним прокалывают ножом и на острие подносят для пробы, и не хочет она произносить его название, а в сумке Знакомого он должен быть, и, нырнув с головой, Тамара нашла нужный пакетик, всунула в карман Знакомого свернутые купюры и ушла протопанной тропой домой.

Черной вязкой ночью Тамара вышла из квартиры, держа в руке канистру. Руки в зимних перчатках, в кармане лежит зажигалка. Она крадется по подъезду, стараясь бесшумно ступать кедами по ступеням, надеясь, что никто не подглядывает сейчас за ней в дверной глазок. Маслянистый свет подъездных ламп склеивает веки, а шаги кажутся слишком громкими и гулкими, словно эхом бегут в каждую квартиру и дом в районе. На улице Тамара постояла возле дома, высматривая во дворе случайных прохожих, рассматривая окна вокруг, надеясь заметить чей-то взгляд, любопытного бессонного наблюдателя, но окна черны сном, вокруг тишина. Тамара семенит кустами и потрескавшимся тротуаром, чувствует, как булькает бензин в канистре, и крепче сжимает руку. Заходит за первый угол дома, потом второй, крутя-вертя головой по сторонам. Часто дышит, руки потеют в перчатках, у нее стучит в висках. Но среди припаркованных на тротуаре безликих машин Тамара не находит автомобиль Соседа и резко останавливается. Оглядывается, высматривая в темноте, идет дальше и поодаль замечает отдельно стоящий автомобиль, отгороженный песочницей и забором. Смятая крыша машины, кажется, поглощает Тамару, она не может отвести взгляд, растворяясь вместе с ней в ночном мраке. С трудом вырвавшись из ступора и вздрогнув, Тамара открывает канистру и выливает бензин на крышу автомобиля, на капот и багажник, покрыв весь кузов. Выливает все до капли, даже стучит по дну перевернутой канистре, трясет ее. Потом закидывает канистру под машину и достает зажигалку. Чиркает в перчатках раз-другой, снова, а после подносит зажигалку к ручейку, стекавшему из-под автомобиля.

Огненный поток побежал к машине, вспыхнул, охватил автомобиль Соседа, укутав жарким покрывалом, озарив темноту и дрожащую фигуру Тамары. А потом автомобиль завизжал сигнализацией, капризно призывая хозяина и всех вокруг: на помощь, спасите! Тамара спрятала зажигалку и, быстрее-быстрее, вперед, дважды за угол, побежала, громко перепрыгивая ступени подъездной лестницы. Поднялась, едва дыша, боясь, что скоро донесется скрип петель открываемой двери Соседа, его дробный бег по лестнице, и он заметит ее, увидит и поймет, что все это сделала она. Трясущимися руками она старательно и медленно закрыла дверь квартиры, не шумела и не грохотала, а только повернула задвижку и стояла, высматривая в глазок Соседа, цокающего мимо квартиры, вниз, трясущего пузом и усами. На щеке два пластыря спрятали четыре красные отметины от вилки. Дважды вздохнув, словно набирая воздух для нырка, Тамара схватила небольшую сумку с крючка в прихожей и, перелетая через ступень-другую, оказалась в квартире Соседа. Дверь была открыта, в коридоре горела желтая лампа. Тамара прошла в комнату, в которой совсем недавно Сосед навалился на нее, пытаясь раздеть. Не медля, она достала из сумки баллончики с краской и распылила их на каждую стену, закрашивая надоевший автомобиль. Потом скинула все фотографии, разбила все рамки с изображением машины. Потопталась на них, уничтожая, стараясь обратить в пыль каждое упоминание об автомобиле. На журнальный столик она вытряхнула содержимое пакетика и, вновь вспомнив фильмы, покрошила небольшие дорожки из порошка, размазав край одной по столу. Схватив ноутбук, она выкинула его из окна, а потом побежала, скорее, домой, вновь прячась за входной железной дверью.

Минуту спустя Тамара смогла закрыть все замки, успокоить дыхание, скорее переодеться, вернуть зажигалку в карман джинсов мужа, спрятать перчатки в несколько пакетов, глубоко в нутро шкафа, затеряв среди другой одежды, и улечься с безмятежным видом в кровать. Под приглушенный храп мужа она наблюдала желтовато-красное мельтешение на стеклах и слышала вопль Соседа внизу. Вскоре мельтешение смешалось с синевато-фиолетовыми всплес-

ками, а соседский крик — с полицейской и пожарной сиреной. Тамара вышла на балкон, потирая глаза, словно разбуженная только что визгом и шумом во дворе, где снова собрались зеваки, к окнам прилипли глазастые любители скандалов, а на балконы вылезли особенно алчущие поглазеть соседи. Горящий автомобиль поливали из шланга пожарные, а вокруг них прыгал-скакал Сосед, рвавший на себе оставшиеся волосы и умолявший кого-то спасти Ее, и за что ему все это.

Вновь все и каждый щелкали вспышками фотокамер смартфона, снимали видео, загружая сразу в соцсети, обсуждая каждый момент, расстреливая комментариями несчастного Соседа, высмеивая его горе. Кто-то закричал, что машина проклята, чтобы ее не тушили, а Сосед закидал толпу возмущенной руганью. Тамара смотрела на дымящий автомобиль, забравший ее дитя. И не важно, что говорят все, не прыгал сын, случайность все, жестокий фатум. Смятый железный горб машины почернел, зашипел водой и пеной. Вдохнув глубоко и медленно разлетающийся запах сажи и костра, Тамара легла на диван в гостиной рядом с мужем и внутри себя рассказала сыну все случившееся, что он пропустил, но теперь она будет говорить с ним обо всем. Вскоре она заснула почти сразу и спокойно, как не спала уже не первый месяц.

Обида

Вышагивая по ледяному тротуару и хрустя снегом между уличными фонарями с лампами маргаринового света, включенными в шахматном порядке, я кутаю нос под петлю шарфа на шее. Мимо проходит бывший одноклассник Станислав, виденный мною в прошлый раз на выпускном вечере и там же отвесивший мне пинок натертыми туфлями по отглаженному брючному заду. Он проходит, не заметив, не взглянув на меня, широкой амплитудой крутит плечами и локтями, жуя прикуренную сигарету, разрезая снегопад острым прищуром. И я прохожу несколько метров, даже вынимаю наушник, прежде чем обернуться, чтобы понять, не обознался ли. Но Стас мчится дальше, снегоходом перебегая дорогу и показывая что-то рукой водителям, недовольно нажимающим на клаксон. Кто-то выкидывает ему в ответ такой же знак, пытается задеть крылом машины, окатить грязевой кашей налетевшего снега, а Станислав барабанит гневно по капоту проезжающего автомобиля, как много лет назад стучал по головам слабых одноклассников, в том числе и моей. К слову, бил не только по голове, но и всем попадающим под его руку или ногу частям тела. Плевал в лицо, смотрел в ожидании моих действий, расплачусь ли, осмелюсь плюнуть в ответ или убегу, роняя слезы, ища поддержки у учителей, что было еще хуже, ведь за это меня ждала дополнительная порция унижения и побоев. Обычно избиение проходило под хохот и улюлюканье счастливиц, коих он не трогал, и которые еще спрашивали, будут ли они дружить и они хотят дружить, пока Станислав бросал кулаки в раздражающие его лица, окунал головой в грязь, найденные фекалии кошек или собак.

В трамвае между тесно поставленными мужчинами и женщинами в толстых куртках или пальто, я под ритмичные басы музыки в своем смартфоне, едва просовываю руки и ноги, прихиваю тело внутрь вагона, где теплее и как будто уютнее. Подальше от свистящих морозным ветром створок дверей, щелей кузова, где можно не держаться за поручень и качаться на поворотах. Сумку я держу над головой и при каждом торможении ударяюсь об нее лбом как об гонг. При этом меня не отпускает чувство отвращения и раздражения всякий раз, когда кто-то обтирается о мое дорогое пальто купленное недавно. В особенности это касается кондуктора, бороздящего салон ледоколом невоспитанности. И, казалось бы, почему я должен терпеть это ежедневно, ведь можно просто купить автомобиль. У меня нет водительского удостоверения, и я не разбираюсь в машинах. Кого попросишь помочь? Настоящих друзей нет, только коллеги, которые продадут и сдадут за премию, за квартальный бонус или прощение опоздания. Пока они лениво нежатся в теплых постелях, сражаясь с собой, своей неуверенностью и нежеланием ехать на работу, оказывается, что не успевают вовремя, согласно большим круглым часам в приемной директора, где каждый обязан отметить, поставить галочку, показаться на глаза помощнице руководителя, а не успел — штраф.

В этот момент кто-то наступает на мои начищенные коричневые ботинки, стоимостью не меньше пальто. И я принимаюсь возмущаться, наращивая громкость голоса по мере увеличения наглости этого растяпы с лишним весом, решившего, что может справиться с работой кондуктора. Наши крики превышают шум трамвая и всеобщее бормотание пассажиров, по команде повернувших головы на нас, а кто-то из них — старик и женщина — кривят рты, призывая всех успокоиться, но я требую крови в виде нижайших извинений этого тяжеловесного дурака. И что-то буркает из складок его рта и подбородка, что-то похожее не «извините», а я горделиво поднимаю нос, осматриваясь в поисках сочувствующих и восхищенных взглядов, но почти все смотрят за окна или в прямоугольник смартфона, и только старик и женщина, недовольно поджали губы, изредка посматривая на нас.

Шагая по парку, я как могу, чищу снегом ботинки, смакуя публичные извинения неудачника, но при этом меня не отпускает подспудное чувство, что кондуктор отделался малой

кровью, нужно было отвесить ему смачную звонкую пощечину, чтобы смотрел себе под ноги впредь, или хотя бы пытался смотреть. Дойдя до своего двора, я внезапно стыжусь возникшей ненависти к кондуктору, возможно не стоило так громко и гневно требовать извинений. Увидев ненавистного одноклассника, я вспомнил его издевательства, заново почувствовал собственную беспомощность, и горечь отсутствия у меня какого-либо защитника: родители умерли давно, а братьев не было. Меня растил дед на крохи зарплаты сторожа и дырявую пенсию. Сейчас и дед помер.

Во дворе на лавке ютятся алкоголики, которых я знаю с детства и по привычке обращаюсь как к *дядям*, успевая только считать валяющиеся утром пустые бутылки водки. Приветствую, но рук не пожимаю, они эти руки, куда только не засовывают. Например, в мусорный бак за приглянувшимся огрызком яблока или пластиковой тарой, а потом, скорее всего не моют. И я всегда удивлялся долгожительству дворовых завсегдатаев, а удивление часто сменялось неосознанной и даже мне непонятной злобой: обычно я вспоминал смерть родителей, и думал, почему они погибли, не дожив до тридцати, а этим уже перевалил пятый десяток. Иногда после этого я хотел взять кухонный нож для мяса, спуститься вниз, воткнуть каждому в глаз, живот или перерезать горло. Возможно, придется гнаться за одним или двумя, зовущими на помощь, но я успею их догнать и вонзить лезвие ножа в спины. Почти сразу я успокаивался, глубоко дышал, как советовал психолог при моих приступах паники или гнева, и включал телевизор, чтобы отвлечься, увидеть привычные картины телеведущих и мировых новостей.

Я люблю смотреть ток-шоу и новости, их рассказывают красивые женщины (мужчин я не слушаю и не смотрю), и обычно о вещах и событиях, которые помогают понять: моя жизнь не так плоха. Я знаю поименно всех женщин-телеведущих на каналах, доступных благодаря прикрученной к фасаду дома антенне. Кабельное телевидение требует дополнительные деньги, что для меня дико и непонятно, когда вот же нужные телеканалы и бесплатно.

Свое дорогое пальто я аккуратно на вешалке прячу в шкаф, предварительно слегка почитив щеткой. Ботинки любовно намываю и протираю сухой тряпкой. Потом намазываю кремом, опрыскиваю водоотталкивающим средством и выставляю на обувную полку. Несколько минут я еще посматриваю на их блеск.

Допивая чай после ужина (куриная отбивная и овощной салат), снова борюсь с приступами рефлексии назойливых школьных воспоминаний. Лицо Станислава, рассекающего тротуар и снегопад, появляется передо мной снова и снова. Я стараюсь приостановить кадры, убрать помехи, почистить картинку. Всегда остается шанс ошибки, что я обознался, принял дворового алкаша за бывшего одноклассника. Возможно, я подсознательно желал видеть Стаса таким: в просаленной куртке, затертых джинсах, в сапогах, купленных на распродаже, с потеками солей от гололеда, черной шапке на коротко стриженной или (надеюсь) вовсе облысевшей голове, и с вечной щетиной на впалых щеках.

Я прыгаю в интернет, ищу в социальных сетях Станислава, сразу вспомнив фамилию, и быстро его нахожу: на фотографии он рядом с автомобилем (какой-то старой иномаркой, я не разбираюсь), голый по пояс, на фоне тонкого жгута неизвестной речушки, руки скрещены на груди, в зубах кажется одна и та же сигарета. Еще фото: горделиво подняв подбородок, он показывает узорчатую татуировку вокруг напряженного бицепса, а девушка в черной кожаной юбке и розовато-белой футболке опирается рукой на его плечо, держа в другой руке бутылку виски. Узнаю о нем основное, в том числе место жительства (в нескольких домах от меня, даже квартира указана), предпочтения в алкоголе, способность показывать бутылки с водкой или коньяком почти на каждой фотографии, для всех указано его мнение о бывшей жене, о смысле жизни, философии спорта, обязанностях каждого *мужика*. Никаких сведений о месте работы и образовании. Всматриваясь в его худощавое лицо, внезапно понимаю, что до сегодняшнего вечера я ни с кем не спорил, открыто и громко, и при этом публично, на виду у окружающих, и никому не дерзил. Мое хамское надменное поведение можно объяснить только появлением,

пусть и на мгновение, бывшего одноклассника, напомнившего унижения и побои, которые я перенес, и теперь мысленно переживаю заново.

Мои руки слегка задрожали, и я почувствовал, как загорелись щеки, и заслезились глаза, так что мне пришлось откупорить бутылку красного полусладкого, дожидавшегося меня с весны прошлого года. Я тогда взял его на вечер для Вероники, а теперь переливаю вино из горлышка бутылки в свое собственное горло, минуя бокал. Потом, все же наливаю вино в бокал, только бы не превратиться в невоспитанное животное вроде Стаса. Помню, я эту бутылку выбирал долго и нудно, чтобы недорого, но и прослыть скупым в наш первый вечер у меня дома тоже не хотел. Когда подходил к дому с большим прозрачным пакетом, то один из *дядьев* хихикнул хриплым коршуном и, кривым пальцем показывая на бутылку вина в пакете, сказал, что «хватит тебе гомиком ходить», выпей, как настоящий *мужик*. Протянул пластиковый одноразовый стаканчик с водкой, но я промямлил, что опаздываю и помчался по лестнице наверх, позабыв про лифт. К слову, вино мы с Вероникой так и не открыли, но сняли одежду и раскрыли объятия.

У своей любимой телеведущей сегодня вечером я замечаю неприятную родинку на носу, которую раньше почему-то не видел, и это коричневое пятно постоянно отвлекает внимание, не позволяя сосредоточиться на словах. И почему ее только выпустили в эфир с такой отметинной (?), задаю я вслух вопрос телевизору и переключаю телеканал, а там вечернее шоу о проблемах подростков из неблагополучных семей, которые создают неблагополучную же атмосферу в школах и среди учеников. Выступают: заслуженный психолог страны, заслуженный педагог страны, полузабытая знаменитость, у которой сын попадает постоянно в неприятности на своем внедорожнике, известные певцы, парочка актеров. Кто-то, чье лицо мне незнакомо, постоянно выкрикивает имена пострадавших детей в лица неблагополучных родителей, их сыновьям и дочерям, приглашенным в студию за символическую сумму, которую потратят известно на что и, скорее всего, с *дядьями*, подобным моим. На середине шоу один из актеров подскакивает на пружине своего неизвестно откуда возникшего гнева, перелетает от дивана, на котором сидел, к дивану с родителями детей-хулиганов и с размаха шлепает затрещину одному из отцов, обвиняя того в неумении воспитывать детей. Актера вскоре оттаскивают под всеобщий одобрительный гомон и аплодисменты зрителей и нескольких приглашенных гостей, в том числе сына опозоренного мужчины. И этот подросток ужасно похож на Станислава, словно внебрачный неизвестный (а может известный) его сын, и даже ухмылка у него словно скопирована с издевательской гримасы моего бывшего одноклассника. Наезд камеры на парня ближе и ближе, увеличивает его желтоватые зубы и потрескавшиеся губы, и я с криком кидаю бокал с остатками вина в телевизор и, пыхтя, брожу по квартире, привычно скрипя зубами. Оплеванный вином телевизор сообщает, что темой завтрашнего шоу будут ранние беременности и проблема нехватки противозачаточных препаратов в стране.

На следующее утро я сижу за рабочим компьютером, спина к спине с Андреем – моим коллегой. Разглядываю остальных в кабинете, прижавшихся плечами и взглядами, стучавших пальцами по клавиатуре. За много лет работы на компанию я смог добиться рабочего места возле окна, из которого разглядываю широкий проспект с пыхтящими автомобилями. Иногда под окнами проходят девушки, которых я почти сразу подмечаю натренированным периферийным зрением и украдкой фотографирую на смартфон, строго соблюдая правила анонимности, не желая быть уличенным остальными в кабинете. И сейчас мимо окна двумя этажами ниже гарцует в кожаной юбке, колготках и короткой зимней курточке блондинка с телефоном возле уха, а в приоткрытые створки доносится ее возмущение: ей пришлось пешком месить

снег в поисках такси, припарковавшегося неизвестно где, а *говор* водителя явно не местный. Я щелкаю фото без вспышки, удивленный до чего похожа она на Веронику.

Кстати, она именно Верони́ка, а не Верони́ка, просила так называть с первой нашей встречи, ей не нравилось быть Верони́кой, решив стать Верони́кой после прочтения какого-то там романа иностранного автора. Прочитала и рассказывала мне про книгу не единожды, пытаясь заставить меня прочитать, но я не поддался, незачем тратить время на книжки. Кстати, вино, которое я пил вечера, осталось именно по причине ее взявшегося внезапно, почти из ниоткуда, решения перестать употреблять алкоголь. Совсем-совсем, Максим, говорила она мне, ведь это плохо влияет на организм, и для будущих детей тоже нехорошо, а я стал ее разубеждать, надеясь, что она перестанет думать/мечтать и говорить/напоминать о детях, тем более своих/наших.

Кто-то щелкает пальцами возле моего носа и глаз, и только тогда я замечаю, что смотрю в окно невидящим взглядом уже десятую минуту точно, а возле меня начальник отдела давит ухмылку своим кашляющим хохотом, которым он раздражает все человечество. Он призывает всех обратить внимание на него, а рядом стоит Станислав в белой рубашке и черных брюках, словно только что с выпускного. И теперь он работает с нами! Станислав почтительно и наигранно благодарно улыбается, кивает каждому, даже машет рукой, тут замечает меня и его улыбка становится больше. Он показывает зубы, а потом подмигивает мне, как старому знакомому, которым я бы не хотел оказаться, но деваться некуда. Станислава усаживают за стол в дальнем углу кабинета, дальше всех от двери к начальнику, а я пытаюсь отвлечься и дрожащими руками перелистываю полученные фотографии блондинки, приближаю ее обтянутый юбкой, но, к сожалению, пиксельный зад, стройные ноги в колготках, а больше и не видно ничего интересующего меня.

Телефон выскальзывает из моих вспотевших рук. От нахлынувшей духоты я ослабляю галстук, а потом и вовсе снимаю, пряча в нагрудном кармане пиджака, может никто не заметит, подумают мода такая. Мои губы сохнут, я облизываю их, но не помогает, тогда натираю, надеясь смочить их потом ладоней, но сухость не проходит. Я открываю окно шире, подставляя лицо ледяному ветру, глотаю залетающие мелкие снежинки, но кто-то кричит, чтобы закрыл окно, а я, подскочив, громко ругаюсь впервые за все время работы в компании и ору в ответ: «Лучше закрой свой рот, засранец!», под громкий хохот Станислава и удивленные взгляды коллег. Вокруг возникает плотная тишина, а я чувствую необъяснимое облегчение, даже руки перестают дрожать, и возвращаюсь к просмотру фотографий уже уехавшей в неизвестном направлении блондинки.

В обеденный перерыв я иду вдоль проспекта в направлении кафе, которое я посещаю ежедневно в будни вот уже несколько лет, оставив там явно не одну тысячу. По пути продолжаю рыскать следы блондинки, возможно, она что-то обронила, вдруг потеряла документы, и я смогу ее найти, вернуть пропажу. Может между нами завяжется интересная беседа на тему ее груди или хотя бы моего предложения поужинать вместе, поговорить об ужасных водителях такси (очень мне знакомо, кстати), и какой спортивный зал она посещает (я хожу в «Большой Бицепс»).

На пешеходном переходе меня нагоняет Станислав с все той же ухмылкой доброго старого друга и хлопает меня по плечу, одновременно протягивая свою ручонку, которую я после трехсекундного замешательства жму изо всех сил, и он даже слегка отдергивает ее, уважительно качая головой моей хватке.

Потом по пути в кафе он окружает меня предсказуемыми высказываниями, что-то из: «Вот так сюрприз!», «А кого из наших еще видел?», «Давно здесь работаешь?». Я с удоволь-

ствием, которое никоим образом не отражаю на своем гладковыбритом лице, отмечаю, что его должность ниже занимаемой мною, а значит и оплата меньше, долбаный урод. Словно прочитав мои мысли, он нагло спрашивает, сколько я получаю, а я прибавляю к настоящей сумме пару десятков, объясняя это персональной надбавкой за ум и трудолюбие, и этот идиот верит всему, что я говорю. Он увязывается за мной в кафе, даже усаживается за один столик и продолжает, продолжает вещать хрипотцой своего явно пропитого голоса о трудной жизни и нелегкой судьбе с окончания школы и службы в армии, после которой не смог поступить ни в университет, ни в колледж, и решил не пытаться больше. Устроился на работу, потом сменил: грузчиком, оператором колл-центра, продавцом, гуляющим по офисным полям, официантом. В одном из кафе встретил бывшего сослуживца, теперь работающего моим начальником. Он перечисляет все свои должности и места работы, а я сочувственно и понимающе смотрю на него и киваю один-два раза в десять минут. Внутри себя я громко смеюсь, *ухахатываюсь*, ржу безудержно до слез, с трудом удерживаясь, чтобы не закричать от удовольствия и не начать прыгать по кафе, закружить официантку в танце и даже присосаться к ней поцелуем. Потом кричать и показывать пальцем на Стаса, чтобы все взглянули на классического неудачника, смотрящего на меня уныло из своих глубоко впавших серых глаз. Может ударить его? Но вот он затыкается, хлюпая супом и чавкая куском мяса. Ест, как и живет, по-скотски. Кажется, не знает назначения вилки. Стоя в очереди, он округлившимися глазами рассматривал цены, а потом переводил невинный взгляд на меня, картинно заказывая только чай. Я в свою очередь дружелюбно похлопал его по плечу, предлагая угостить «старого одноклассника», и у него при этом так просветлело лицо от предвкушения бесплатного обеда, что он забыл поблагодарить меня, и взял две порции предложенного для бизнес-ланча. Унижение Стаса я потом долго смаковал за рабочим местом и дома, откупорив по такому случаю бутылочку белого.

В вечернем шоу показывают стройные ряды девчонок от четырнадцати до семнадцати лет с округлившимися животами и их ровесников – виновников беременности. По разные стороны баррикад: родители, сдерживаемые охранниками, приглашенные специалисты и знаменитости, к моей радости, новые. Кто-то угрожает избить малолетних недоумков не умеющих пользоваться презервативами и посмевших затащить в постель его/их дочь. Скорее всего, под постелью подразумевалась подъездная лестница, чердак или раскладной диван в квартире нагльца. Пока его родители проводили приятный вечер во дворе с друзьями-пьяницами, он тоже проводил приятный вечер и становился будущим родителем. Некоторое время еще бушует буря негодования и злости, парочка мужчин порывается врезать кулаками по наглым лицам растлителей их дочерей, а матери защищают сыновей, царапая воздух и возмущенно крича в ответ на претензии, что и девочки могли бы думать головой и не ложиться в постель. Вихрем спасения на сцену врывается именитый доктор, орущий на каждого, что все забыли о контрацепции: принимай правильные таблетки и не думай про беременность. Один или два раза из зала спрашивают про аборт, а на них смотрят гневно и угрожают избить после эфира, и как могли только подумать о таком (?), нелюди и содомиты. Всмотриваясь в лица на экране, я вновь замечаю похожего на Станислава подростка: у парня даже видно такой же гнилой желтовато-коричневый зуб при улыбке.

Вспоминаю, как в старших классах я отчаянно пытался попасть на вечеринки на даче или в квартире родителей у кого-то из одноклассников. Мечтал бултыхаться среди ровесников, вливая в себя водку и пиво, залипая в поцелуях с легкодоступными девчонками и, разумеется, постигая что-то приятнее и взрослее, что становится причиной круглых животов у этих беспризорных одноклассниц. Но меня никто не приглашал, не сообщал адрес *пьянки*, и видеть меня там не хотели, морщась при моем появлении в классе или столовой, как от протухшей рыбы. И Стас был причиной нежелательной беременности одной из таких раскрепощенных девиц, но ребенка, конечно же, не желал. Девочка была вынуждена признаться родителям, и те накинулись с криком и кулаками на Станислава и его родителей. Вместе собрали деньги

на аборт, а после разбежались по разным сторонам, а девчонка перешла в другую школу. Все это, возможно, преувеличенное, передавалось из уст в уста между учениками. Вечерних ток-шоу на телевидении, обсуждающих такие темы, еще не выпускали.

В конце шоу все тот же именитый врач показывает, применяя атрибутику и продукцию магазина интим-товаров, как правильно надевать презерватив и какой лучше выбрать. Ведущий ток-шоу объявляет начало сетевого голосования по вопросу снятия возрастного ограничения на продажу средств контрацепции. Я отправляю свой голос в пользу снятия запрета и через две минуты засыпаю.

Последующие недели пробегают едва ли заметно. Я по-прежнему радостно ношу свое дорожное пальто и свои дорогие ботинки, изредка посматриваю на Станислава, его тупое выражение лица в попытке понять свои обязанности и выполнить хотя бы часть заданий, которые я выполняю за час.

Дважды я натыкаюсь на того придурковатого кондуктора и каждый раз пристально смотрю в его полоумные глазенки, бегающие трусливо по салону и старательно избегающие моего взгляда. При каждой встрече я здороваюсь с ним натянуто вежливо, иногда выпрастывая под его опухшие толстые ноги свои начищенные дорогие ботинки, чтобы снова наступил, а я мог наброситься с новыми гневными претензиями, облить позором праведной ярости всегда правого потребителя. Но кондуктор научился каким-то образом обходить брошенные мною преграды и ловушки, прыг-скоком уноситься дальше, прочь от меня. И меня это одновременно злило и веселило. В один из таких дней я громко расхохотался, наблюдая за его увертками от моих ботинок и последующим падением на грязно-снежный пол трамвая. Ему поспешили на помощь ближайшие пассажиры, а кто-то посмотрел на меня удивленным взглядом, даже надменным. Но ведь упал не я! Тогда я наклонился к девушке, сидящей рядом, и спросил, что она думает по поводу снятия запрета на продажу презервативов несовершеннолетним, но, не дожидаясь ответа, прыснул вновь смешком и вышел на остановку раньше.

Проходят месяц или два, и Станислав под руку с начальником выходят из кабинета, после очередного часового перекура и обсуждения *чего-то-там-важного*. Начальник громко объявляет Стаса своим заместителем с этого дня. Все вокруг с неподдельной искренностью поздравляют моего бывшего одноклассника, даже раздаются два-три хлопка потными ладошками, и Стас не тушуетя, любитя собой, машет рукой, благодарит поклоном артиста на бис. А потом громко выкрикивает мое старое прозвище со школы, которое он и придумал и звал меня только им, подчеркнуто унижительно. Я даже не хочу повторять, записывать кличку, от которой все мои коллеги, даже Андрей, начинают по-звериному рычать, задыхаясь от невероятного смеха, настигшего их. Станислав повторяет, снова, издевательски благодарит меня, помогавшего и поддерживавшего его в трудный первый период на работе, хотя я и пальцем не пошевелил, чтобы оказать Станиславу содействие в его бессмысленных потугах работать.

Среди шума и гогота никто, кроме меня, разумеется, не вспоминает, что я был первым претендентом на должность заместителя начальника отдела, трудясь им неофициально все дни напролет, поверив в намеки и неясные заверения руководителя в этом. Когда аплодисменты и смех стихают, начальник твердым голосом, но с улыбкой, приказывает мне перемещаться на место Станислава, а тот займет мой стол. И вот я сижу в полумраке, разглядывая спины и затылки коллег, и как Андрей подобострастно улыбается Стасу, с полупоклоном пожимает ему руку, помогает расставить вещи и подключить новенький ноутбук, преподнесенный тут же, и я почти уверен, что Андрей говорит Станиславу гадости про меня, чертов засранец.

По дороге домой захожу в *алкогомагазин*, рассматриваю каждую бутылку, но привычно выбираю красное полусладкое, две бутылки, и бреду в снегу от остановки в полумраке улиц.

Допивая первые ноль семьдесят пять, я внезапно понимаю насколько убога обстановка в моей квартире. По большому счету в ней ничего не изменилось со смерти деда, только появилось мое дорогое пальто, дорогие ботинки и не менее дорогая полутораметровая плазма, вновь вещающая вечерним ток-шоу. Непривычно для себя я не смотрю, даже не знаю тему эфира, только успеваю замечать череду сменяющихся картинок дна моего бокала с красными потеками вина. Зелено-бежевые обои и багровые половицы пола угнетают меня, а скрип дивана, созданного в прошлом столетии, слишком громкий, звенит в ушах вместе с гулом в голове, а я хотел все поменять, содрать обои, оторвать каждую доску пола, сменить мебель, купить все необходимое для современного мужчины на зарплату заместителя начальника. Вкус вина тошнотворен, но к своему сожалению, я не нахожу ни одну бутылку виски, коньяка, водки или хотя бы рома, поэтому выбегаю из дома, намеренный закупить все, что найду.

В потемках двора пустынно и холодно, только припаркованные в три ряда автомобили, покрытые толстым слоем снега. Проходя короткой дорогой между гаражами, натываюсь на рукотворную лавчонку из досок и пеньков, а на ней двое моих *дядьев*, за своим привычным делом утоления алкогольной жажды, и вновь тот, что советовал мне пить как настоящий *мужик*, приветствует кривым взглядом и снова приглашает «за стол». К его удивлению, я не отказываюсь, хватаю протянутый одноразовый стаканчик и залпом выпиваю что-то горькое и острое, а затем пью снова, не спрашивая, и стакан постоянно неведомым образом наполняется, вновь и вновь.

Вскоре я отправляю одного из них за бутылкой, протянув несколько банкнот, возможно, столько он и не видел никогда. А вместе с другим собутыльником мы в братскую обнимку познаем красоту ночного безлунного неба в условиях выключенных уличных фонарей и черных окон домов. Он что-то шепчет, потом бормочет, пытается рассказать мне, а я могу разобрать только слова «были хорошие», «сочувствую... всем сердцем... сынок». И тут я понимаю, что он говорит о моих родителях, они были знакомы, он ходил на похороны, с моим отцом они учились в одном классе, узнаю, что мужчина, которого я называю *дядя*, поколачивал моего отца в младших классах, и они часто соперничали, даже за мою мать. А много лет спустя он советует мне пить, как *мужчина!*

Возвращается с бутылками наш гонец, и вновь стаканы полны, но я свои порции умело выливаю себе под ноги или за спину, у меня вдруг появляется стойкое отвращение к водке, ее запаху и видам двоих алкашей между гаражами, закусывающих свалывшимся снегом. Когда тот, второй, который принес оплаченный мною заказ, падает с лавчонки, захрапев без движений, я разбиваю пустую бутылку о пенек и втыкаю осколок в шею старого одноклассника отца в момент его очередного опрокидывания стакана в себя. Отпрыгиваю, пошатываясь от выпитой водки, рассматриваю булькающий поток крови из него, как *дядя* пытается встать и неумело закрывает ладонями рану. Его ноги дрожат, а в глазах — непонимание, зачатки страха, даже слезы, скорее всего от поднявшегося ветра, и этот урод даже не вопит, словно водка слепила ему губы. Не снимая перчаток, я беру другой осколок бутылки, царапаю лицо гонца, валявшегося под лавкой, а тот и не просыпается, будто не чувствует ничего, а потом вкладываю осколок в голую руку убитого мною отцовского знакомого, и кружащей походкой возвращаюсь в квартиру, напевая песенку, услышанную утром по радио.

Следующие несколько дней проходят очень медленно и тягуче, под ухмыляющееся без остановки лицо Станислава, его *самого-лучшего-друга-начальника* и всех окружающих, за исключением меня. Мое прозвище теперь у всех на устах, а я провожу дни в некоем подобии ступора, но работу выполняю исправно, по-прежнему наивно полагая, что когда-нибудь мои старания зачтутся. Вскоре у меня появляется уверенность, что я медленно возвращаюсь

в школу, во времена издевок и, кажется, скоро мне начнут отвешивать пинки, а Станислав побьет меня в обеденный перерыв где-нибудь за офисным зданием.

В «Большом Бицепсе» я тренируюсь сильнее, беру вес больше, бегаю дольше. В зале появляется новая фитнес-тренер, с длинными черными волосами, и в обтягивающих лосинах, но я не смею с ней знакомиться, даже почти не смотрю, хотя раньше уже раздел бы ее глазами, попробовал пошло пошутить и с чувством выполненного долга, может быть, со следом пощечины на щеке, ретировался в раздевалку. Теперь я делаю жим в положении лежа и представляю, как вгоняю лезвие ножа в глаз Станислава.

Возвращаясь с тренировки, выхожу на остановке и вдруг замечаю группу подростков, которую уже видел раньше, много раз. Несколько парней и девушек, скорее всего одни из тех, которых показывают в вечернем ток-шоу. Не удивлюсь, если увижу у одной из них большущий живот. Они курят, некоторые держат в руках бутылки пива, к которым присасываются эпизодически, раз в минуту. Группа стоит напротив панорамного окна кондитерской, украшенной гирляндой и бумажными снежинками, громко хохочет, пугая прохожих, иногда в их кучке раздаются ругательства, толкотня. Наблюдают за происходящим в кондитерской, облизывая пальцы и стекло. Я останавливаюсь поодаль, спрятавшись за толстым стволом дерева и его нависшей под снегом кроной, проверяю в кармане куртки купленный недавно травматический пистолет и прислушиваюсь. И вот стая уже выкинула две пустые бутылки пива, разбив одну о тротуар, скинула гору окурков, но по-прежнему прилипнув к окнам, всматривается, иногда переругиваясь и матерясь, в нутро кондитерской, а у меня начинают подмерзать ноги в снегу. Со стороны я выгляжу подозрительно для всех, кто меня заметит, например, полиции: трусь о дерево, немного пританцовываю и слежу, слежу за подростками. Кажется, они все одинакового роста и голоса схожие; из ртов у них вылетают тучки пара, а на асфальт они бросают оставшиеся опустевшие пивные бутылки. Громко хлопают двери кондитерской, на улице появляются мужчина и женщина под руку с большим пакетом, сквозь который проступают очертания торта, коробок с пирожными, печеньем, конфетами. Стая с хлопотным звуком отлипает от окна и прыгает на покупателей, бьет их под колени, валит на тротуар. Женщина кричит, мужчина угрожает, просит кого-нибудь позвать полицейских, отбивается от кулаков и подошв. Топча их с криками и визгом, подростки требуют отдать пакет, а потом хватают его и уносятся прочь, в темноте победно улюлюкая. Я гонюсь за ними вдоль парка по снегу, только бы не упустить из вида.

Ноги мои утопают в холодном, мокром, но я бегу. Они сворачивают во дворы, треща по снегу в полумраке, только свет из окон домов освещает дорогу. Петляют полузабытыми мною дворами и гаражами, пару раз пиная припаркованные автомобили и танцуют под музыку включившихся сирен. Когда крики ограбленных покупателей возле кондитерской полностью стихают, стая перелезает через попавшийся на пути забор детского сада и усаживается на ржавой карусели. Привалившись к забору, я слушаю их полупьяные разговоры, они шуршат пакетом, делят добычу по старшинству и иерархии, обделяя одного пухлого мальчишку, вместо куска торта отвесив затрещину и оттолкнув от всех. Он перекачивается кувырком, лежит несколько секунд в снегу, но потом послушно поднимается и вместе с остальными прыгает-скачет в победном хороводе. Ему продолжают иногда стучать коленями и ботинками по заду, кто-то закидывает снег за шиворот. Постепенно удары учащаются, снега все больше у него под курткой, а пакет из кондитерской пустеет. Но стая по-прежнему голодна. Слышатся предложения пойти к другой кондитерской или продуктовому магазину караулить тупых потребителей. Все радостно кричат, соглашаясь с вожаком, в том числе и пухлый пацан, которого останавливают очередным пинком, говорят, что не достоин стаи, не прошел посвящение: когда все били и толкали потребителей, он только притворялся, но все удары были мимо, а это уже предательство. Двое толкают его, валят в снег, расправляются подобно с потребителем. А я перепрыгиваю через забор и рычу медведем, направив пистолет на беснующихся поганцев, кото-

рые временно оторопели, замерли, испуганно смотря на меня. На их лицах размазаны остатки шоколада и крема, словно следы крови в уголках ртов насытившихся хищников. Раздаются визгливые вопросы: «Ты кто такой?», «Что за чучело?», «Очередной потребитель?», кто-то предлагает избить меня и забрать все, но вид пистолета в моих руках немного остужает их пыл, а я снова рычу и протягиваю руку парню в снегу, чтобы поднимался, не ждал новых ударов. В этот момент стая срывается в мою сторону, а я инстинктивно отпрыгиваю назад и нажимаю на курок. Ближайший ко мне мальчик визжит, закрывая ладонью лицо, падает. Передо мной темная стена стаи, и я стреляю без разбора, пока они не разбегаются, не рассыпаются по теням и углам домов, и некоторые тоже визжат и кричат. Внезапно я чувствую желание пристрелить каждого, попасть в лицо, в глотку, между ног, может, не станут больше спариваться, и в нашем городе не появятся еще подобные им, подобные Станиславу.

Первая жертва моего пистолета лежит рядом и по-прежнему визжит от боли, а я кричу ему, чтобы заткнулся, его голос раздражает меня. Я подтягиваю пухлого неудачника и увожу прочь, спрашивая, где тот живет. В пути его трясет мелкая дрожь, я помогаю ему, стряхиваю налипший снег, а он пытается вытащить снег из-под куртки. До его дома нужно пройти всего два двора, и мы почти не разговариваем. Только подойдя к его подъезду, я — идиот несчастный — замечаю, что пистолет еще в моей руке (!), и поспешно прячу его в карман. Где-то вдалеке за шуршащей пеленой начавшегося снегопада еще слышится писк-визг того засранца, посмевшего напасть на меня первым. Парень рядом уже почти успокоился, я ему советую забыть стаю, найти настоящих друзей, а он благодарит меня и семенит домой. Его робкое трясущееся «спасибо» преследует меня до квартиры, отскакивает эхом по каждой пройденной мною ступеньке. Потом я принимаю душ, тщательно натирая мочалкой все тело, помыв голову дважды. В постели я вновь вспоминаю того пухлого олуха и засыпая, почувствовал катящиеся по щекам слезы.

Во время завтрака я решил развлечь себя, включив утренние новости, надеясь увидеть знакомую телеведущую и вновь почувствовать себя мужчиной при виде глубокого декольте. Прихлупывая капучино, огорченно смотрю в гладковыбритое лицо телеведущего-мужчину и с хохотом замечаю следы крема под глазами, которым ему безуспешно пытались замазать мешки беспробудного пьянства и недосыпа. При этом он явно тренируется, и я пытаюсь понять размер его бицепса, больше ли у меня, но бросаю эту затею, потому что замечаю у него намек на брюшко, которое слегка выпячивает из-под стола. И я аккуратно ставлю чашку с кофе, подпрыгиваю, скорее-скорее расстегиваю рубашку и показываю всей квартире и себе в зеркало идеальный брюшной пресс. Мои пляски тщеславия прерывает *экстренная* новость об убийстве, совершенном недалеко от моего дома: двое собутыльников порезали друг друга, при этом один зарезал другого и вырубился рядом с трупом прямо в снегу. Не застегнув рубашку, я вновь прыгаю по комнатам, громко гогоча, и думаю, почему эта новость такая *экстренная* (?), ведь намного *экстреннее* лучше было сообщить о новой модели смартфона.

Вероника не любила смартфоны, говорила, что люди проводят там больше времени, чем в реальной жизни, и носила с собой старый кнопочный мобильник. Иногда вечерами среди знакомых (ее) мы выпивали, и она поднимала эту тему, пугая всех прослушиванием разговоров, всеобщей слежкой, а остальные спрашивали, неужели есть что скрывать (?), и тогда я снимал напряжение или густой туман непонимания сарказмом насчет того, что Вероника слишком много читает книжек. По возвращении домой, меня, разумеется, ждал скандал на тему: «Почему ты не поддерживаешь меня, а насмехаешься со всеми?», а я говорил, что она слишком близко принимает к сердцу чушь и ерунду. К моему облегчению позднее она перестала закатывать такие истерики. А еще позднее мы разъехались.

Сегодня выходной, и я решил прокатиться в центр. Город жужжит в снегу. На мне мое дорожное пальто и не менее дорогие ботинки. Я обошел пару торговых центров. Почти посмотрел новый фильм, громко чавкая попкорном под неодобрительный гул остальных зрителей и, чувствуя ребрами пистолет, уверенно выкрикнул, чтобы все заткнулись и не мешали смотреть. Не дожидаясь окончания фильма, я шумно вышел из кинотеатра, попутно наступая каждому сидевшему со мной в одном ряду на ноги, сменяя ботинки и сапоги. И один мужчина даже вышел за мной следом, собираясь *поговорить по-мужски*, как он сам это определил, но был со стыдом возвращен назад, едва увидев пистолет за моим распахнутым пальто. Мне показалось, что кто-то позвал полицию, и я поспешил на улицу.

Снегопад скоро парализует город. Я танцую, кружусь под снегом, ловлю языком снежинки, и оказываюсь возле лавчонки с уличной едой, к которой тянется длинная очередь оголодавших потребителей, во главе которой стройная девушка с короткой стрижкой черных волос заказывает подобие гамбургера и стаканчика кофе. Подойдя к окошку выдачи-оплаты, громко спрашиваю, из собаки какой породы сделана котлета для этого гамбургера (?) и присутствует ли помет в кофе (?), заставив половину очереди засмеяться, а оставшуюся половину вместе с продавцами возмущаться. Я вижу улыбку девушки в начале очереди, и она замерла, держа пакет с заказом, а я предлагаю спасти ее от этой неизвестной пищи. Она соглашается, я выхватываю у нее пакет, бросаю подальше в сугроб, а к нему уже бегут несколько из очереди, катятся по льду, на ходу устраивая драку за бесплатную еду. Я беру девушку за руку, тяну с собой дальше по улице, быстрее, только бы не слышать больше эту вонь и негодование дураков.

Мы заходим в кафе, заказываем настоящий кофе, салаты и рыбу. Она говорит свое имя: Елена, а я почему-то называю себя Станиславом. Мы говорим о кино, потом о лыжах, уличных собаках, прочтенных ею книгах (скука!), не забываем поведать друг другу о своих профессиях и где работаем, и оказывается, что она учительница средних классов. Я спрашиваю ее мнение по поводу вечернего шоу и поднимающейся там темы подростковой жестокости и беременности. Она впервые за пару часов кривит рот, говорит, что в ее школе такого не бывает, главное, как воспитаешь ребенка, каким будешь для него примером, а во всем виноваты нерадивые родители, оставляющие детей без присмотра, вот такие и выходят на улицы за взрослыми развлечениями, не боятся никого, знают о безнаказанности. Но у нее в школе, подчеркивает она, такого не бывает. А я говорю, что в своей школе сталкивался с подобным, и вот совсем недавно спас подростка от избиения. Ее глаза широко раскрываются и рот немного приоткрыт. Она хочет подробностей, и я рассказываю, что расстрелял из травматического пистолета стаю вот таких же, будто с экрана, придурковатых засранцев, а потом проводил спасенного мною парня домой. Лена смотрит на меня с сомнением, а потом громко смеется, обращая на нас внимание официантов и посетителей. Мне приходится смеяться вместе с ней, а вокруг я замечаю взгляды, кто-то тоже смеется. Официант быстро направляется к нам, словно хочет заглушить истерический смех своим уважительным вопросом, не хотим ли мы чего-нибудь еще, пока он собирает наши пустые тарелки, но я, не спрашивая Лены, говорю, чтобы принесли счет, и вытаскиваю девушку на улицу.

На тротуаре она снова серьезна и молчалива. Мы гуляем некоторое время, частенько встречаясь взглядами в разговоре, держимся за руки, и остается только ждать появления сказочных животных, которые начнут петь волшебную романтическую песню, как бы подталкивая нас к первому невинному поцелую возле ее подъезда. Домой она меня, разумеется, не приглашает, потому что не прилично приглашать малознакомых мужчин на первом свидании, как учили родители, и как она будет учить своих дочерей. Поэтому мы чмокаемся, едва касаясь губ, и я улыбаюсь той разомлевшей счастливой улыбкой идиота, провожая Лену взглядом по подъезду, и каждый раз машу рукой, увидев ее в окне очередного по счету этажа.

Она совершенно не похожа на Веронику.

Утром на работе я захожу в туалет и замечаю в одной из кабинок на стене над унитазом надпись: мое имя и через дефис мое прозвище. Я даже узнаю почерк, потому как надписями с таким почерком усыпаны все мужские (и даже парочка женских) туалетных комнат в моей старой школе. Под надписью красуются нарисованные мужские гениталии, и мои имя с прозвищем как бы гарцуют на них. Я чувствую возникший внезапно жар в груди, мне нечем дышать, и руки преступно трусливо дрожат, словно при первом появлении Станислава в офисе. Появляется легкое головокружение, и я немного радуюсь одиночеству в этот момент среди десятка кабинок и писсуаров: никто не видит мой страх и нервное состояние, после обнаружения надписи, хотя возможно где-то установлена скрытая камера, и Стас в прямом эфире передает на мониторы компьютеров каждого сотрудника происходящее в туалете. Я умываюсь прохладной водой, потом снова, пока не чувствую себя достаточно спокойно и уверенно, чтобы выйти в коридор и наблюдать преследующие меня везде и всюду ухмылки и насмехающиеся взгляды сослуживцев и слушать долетающие со всех сторон смешки.

Следующую половину дня я как могу, выполняю работу, прячусь от всеобщего шума гогота за музыкой в наушниках и стараюсь не отвлекаться по сторонам. На задворках кабинета у меня нет доступа к картинам проспекта и проходящим мимо офиса девушкам, за которыми я теперь не могу наблюдать. С каждой минутой мне кажется, что у меня поднимается давление, температура, и привычный звук нажатия клавиш теперь стучит по моим вискам. У меня сначала болят, а потом слезятся глаза. Я сменяю музыку в наушниках, ищу что-то успокаивающее, обнадеживающее, но потом все бросаю и иду в кабинет начальника. Там он и Станислав сидят в мягких креслах, курят сигары и громко смеются, что-то обсуждают, а при моем появлении мгновенно замолкают, окутывая тяжелой тишиной. Начальник смотрит куда-то за окно (возможно на проходящих там девушек), спрашивает, что мне нужно, и тут сквозь его плотно сжатые губы просачивается выплеск смеха, но вот он снова полностью владеет собой, смотрит на улыбающегося Станислава и повторяет вопрос. Я прошу отпустить меня домой, срочно, там соседи звонят, что-то с канализацией, и нужно срочно, повторяю, срочно ехать и, кажется, у меня давление высокое, отлежаться бы пару дней. *Отлежаться бы*, пародирует меня начальник, конечно, Максим, езжай, а мне тут Станислав рассказывает про вашу школьную жизнь. При этих словах у меня чуть не подкашиваются ноги, и я чувствую дрожь во всем теле, но киваю с благодарностью и выхожу. На лестнице бегу, не застегнув пальто, и с развевающимся на ветру шарфом оказываюсь на тротуаре рядом с проспектом.

Шум проезжающих автомобилей, гвалт выхлопных газов. Тротуар заполнен людьми, хотя только середина дня, и видимо все безработные или подобно мне из-за плохого самочувствия ушли с работы, а может обманом заполучили еще один выходной день. Я протискиваюсь мимо и, кажется, сквозь толпу, думаю о том, что сейчас Станислав фотографирует надпись в туалетной кабинке, рассылает всем коллегам и бывшим одноклассникам, и все вместе в общем чате они обсуждают новые способы насмеяться надо мной, придумывают издевательства, даже избиение, и как бы больше опозорить меня. В полубессознательном состоянии я забываю сесть в трамвай и, оказавшись в полупустом парке, делаю попытки снова бежать, бежать быстрее и дальше, но валюсь с ног возле лысого кустарника, поскользнувшись на льду.

Замечаю смятую пачку из-под сигарет, крышку от бутылки пива, несколько окурков: от одного еще тянется серый витиеватый дымок. Снег холодит лицо и мне кажется, я замечаю каждую снежинку отдельно. Рассматриваю блестящий ледяной покров, свое отражение в нем: по-мальчишечьи розовощекое лицо без щетины и я, кажется, лежу напротив школы, меня только что окунули головой в сугроб. Станислав навалил кроссовками по заду, улюлюкая, а потом меня подняли, и он пару раз еще стукнул кулаком мне по лицу, и теперь я чувствую

привкус крови во рту. Вскоре я разревусь по дороге домой, прикладывая снег к горячей щеке и углу рта.

В парке я усаживаюсь на лавочку, стряхивая снег, и поднимаю дымящийся окурок. Дрожь по всему телу исчезает также быстро, как и появилась. Я докуриваю сигарету, попеременно втягивая дым, пока она снова не загорается, и уезжаю домой.

В вечернем шоу сегодня обсуждают домашних питомцев каких-то полузабытых актеров, и поэтому я переключаю телеканалы, пока не нахожу местные новости. Потасканная жизнью телеведущая с распухшими губами еле мямлит о нападении неизвестного сумасшедшего на невинных подростков, гулявших вечером после школы. Нападавший расстрелял их из травматического пистолета, и несколько детей получили сильные ушибы, а один из них — ученик десятого класса моей бывшей школы — лишился глаза. За вечер я выпиваю половину бутылки коньяка и громко смеюсь, узнав, что неподалеку теперь живет шестнадцатилетний одноглазый пират. Прислушав новости, мне приходит одна очень интересная идея, которую я намереваюсь незамедлительно воплотить.

На следующий день у меня тоже отгул. Я отправляюсь за покупками и возвращаюсь домой с несколькими большими пакетами, купив все строго по плану и списку, составленному мною в процессе посещения туалета. Дождавшись вечера, я надеваю новую купленную парку, штаны для катания на лыжах, прячу по карманам остальную инвентарь, в том числе пистолет, и выхожу из дома за час до окончания рабочего дня у нас в офисе. На улице уже темно, мерцают редкие фонари и спят желтизной и миганием новогодних украшений окна в жилых домах. В кармане звенит сообщением смартфон и я, спохватившись, вырубая его, предварительно проверив письмо: Лена подмигивает смайликом, спрашивает, чем буду заниматься сегодня вечером, и я безумно хихикаю в черное отражение телефона, предвкушая. Пройдя несколько дворов, я сверяюсь по часам и захожу за стену гаража, ожидая в тени, постоянно крутя-вертя головой, только бы не пропустить, ведь я уже настроился.

И вот после получаса простаивания в снегу вижу: вдалеке появляется Станислав, при этом его держит под руку девушка, которая громко визгливо смеется, наверняка он рассказывает ей о моих мучениях в школе. На нем новенькое пальто, почти как у меня, видимо прикупил на повышенную-то оплату труда. Я натягиваю голосовой скремблер, поверх надеваю балалакву и, держа пистолет в руке, прерываю этот убогий смех, выпрыгивая в пустующий двор и преграждая дорогу парочке. Девушка умолкает, поскальзывается от неожиданности, а Станислав тупо смотрит на дуло пистолета, начиная что-то мямлить. Из рта у него падает огрызок сигареты. Я хриплю низким басом, говорю: «Выворачивай карманы, говнюк!», и он кидает в снег свой кошелек, снимает наручные часы, достает смартфон, а потом действительно выворачивает наизнанку все карманы в пальто и джинсах, как бы показывая, что нет больше ничего. Приказываю ему снять пальто, сесть на колени, а потом бью ботинком в лицо, ломаю нос, разбиваю губы, а девчонка визжит, оглушительно, раздражающе. И я приказываю ей вывернуть сумочку: в снег падают телефон, клатч, губная помада, пудреница, которая от удара раскрывается, показывает треснувшее зеркало, какая-то мелочь, что-то еще не нужное мне, не интересное. А девушка продолжает верещать, приговаривает, бубнит о пощаде, только не трогайте, забирайте все, пожалуйста! Я наотмашь шлепаю ей пощечину, лишь бы заткнулась.

Станислав валяется в снежно-грязевой каше, где ему и место: из носа и губ течет кровь, оставляет багровые кляксы на снегу, а я прыгаю и приземляюсь на него, потом бью его между ног, еще и еще, и под его вопль раззадориваюсь, ору: «Сегодня не позабавишься, сволочь!» и наношу финальный на сегодняшний вечер удар в его пах, продолжая размахивать пистолетом. Я почему-то не взял с собой нож, а у меня возникает острое желание порезать Стаса,

оставить кровавый след на оставшуюся жизнь, возможно, свои инициалы (?), но скорее всего, это было бы слишком глупо. Я открываю их кошельки, сгребая все мелочь и подхожу к Станиславу. Щелкаю его по носу, пинаю в ребра, пока он не очухивается и наконец-то не смотрит прямо мне в глаза. Наставляю на него пистолет и приказываю открыть рот, а потом швыряю ему в глотку монеты, говорю, чтобы глотал, давай, проглоти их все, засранец! Он давится, пытается проглотить, а я говорю, чтобы жевал снег, гад.

В этот момент я замечаю в арке между домами две фигуры, зашедшие во двор. В окнах темные силуэты, кто-то смотрит на нас, на меня, скорее всего уже вызвали полицию. Сгребая в пакет все пожитки избитой мною парочки, закидываю на плечо пальто Стаса и бегу вновь дворами, даже не оглядываюсь, ища новые тени и безлюдье. Где-то на задворках, между гаражами я стягиваю и прячу балаклаву и скремблер, опустошаю подобранные кошельки и выкидываю их в мусорные баки. Туда же летят разломанные банковские карточки, поломанные смартфоны, с предварительно вынутыми и свернутыми сим-картами, и остальная бессмысленная утварь Станислава и его уродливой спутницы. Пальто оказывается не таким дорогим, как мое, дешевая подделка, которую он купил на уличном рынке. Я оставляю себе часы Стаса и беззаботно прогуливаюсь по парку, дорогу к которому мне неожиданно указал кот. Пальто и все найденные в кошельке деньги я бросаю нищему, безуспешно пытающемуся играть на балалайке в центре парка. И потом еще долго слушаю его слезные благодарности и пожелания здоровья всему моему роду. Почти шепотом я говорю, что никого больше не осталось.

Засыпая сегодня без включенного как обычно телевизора, я чувствую необъяснимый подъем сил и понимание правильности своего поступка.

В офисе Станислав красуется синяками под глазами, отеками, шрамами на губах, полыманым носом. Он едва ходит, поэтому почти не встает из-за своего стола, и больше незаметно ухмылки на его лице. Подкараулив его в туалете, я в соседней кабинке слушаю его стоны и вздохи напряжения, когда он с трудом мочится. Кстати, злосчастную надпись на стене закрашили.

Я ожидал всеобщего хохота над бедами Станислава, его рожей, теперь похожей на морду панды или енота, возможно, кто-то спросит, было ли снято видео. К моему удивлению все сочувствуют его избиению, ограблению, и что он лишился часов, которые его девушка подарила на годовщину.

В обеденный перерыв я незаметно подсыпаю слабительного в его кофе, и все недолгое время, что он хлюпает кипятком, я пристально наблюдаю за эмоциями Стаса. Потом, когда его лицо внезапно замерло, и на весь офис раздались бурлящие клокочущие звуки из его живота, будто в комедийном пародийном фильме, я едва смог сдержать звериный оскал и с бетонной физиономией втыкаюсь в экран компьютера. И вот Стас неуклюже бежит, точнее, ему кажется, что он бежит, в направлении туалетных кабинок, а я быстрым шагом направляюсь вслед за ним. В туалете я мигом включаю камеру, спеша скорее снять видео, и через экран смартфона мне предстает его скрюченное болью лицо. Звуки, жуткие звуки опорожнения кишечника, свистящие, булькающие, а запах... Я выдержал несколько секунд, а потом прячусь за дверцей кабинки, держа на вытянутой руке смартфон, записывая крупным планом лицо Станислава при его муках естественных процессов и бессмысленных угрозах найти незнакомца, который снимает (то есть меня).

Потом, не пойманный с поличным, я быстрым шагом ретируюсь, глубоко резко вдыхая свежий воздух в коридоре. Разумеется, совершенно случайно я оставляю дверь в туалет открытой, чтобы каждый сотрудник мог насладиться услышанным мною, и смиренно продолжаю работу.

С мокрым красным лицом Станислав возвращается в кабинет. В волосах капли воды и возможно пота, он грузно падает в кресло, а я тихонечко посмеиваюсь, прикрытый всеобщим гвалтом работы, рассматривая темное пятно на его спине. С удовольствием я замечаю улыбающиеся лица коллег, тычущих пальцами в Станислава, кто-то зажимает нос, машет ладонью перед лицом, отгоняя неприятный запах. Через несколько минут Стас вновь трещит коленями, охает-ахает по направлению к туалету. Он посещает его не меньше десяти раз, прежде чем начальник пытается громко выяснить, что стряслось, а потом вызывает ему такси и прогоняет лечиться домой.

Едва хлопает дверь за Станиславом, а в кабинете взрывается бомба смеха и улюлюканья. Андрей пародирует походку и ужимки Станислава, даже притворно бежит в туалет, откуда во весь голос изображает услышанные всеми звуки, а в него иронично бросаются комками бумаги и мусором. Кто-то распечатывает большой смайлик в виде коричневой горки с глазками и приклеивает к монитору Стаса. Это замечает начальник, срывает лист, приказывает всем заткнуться, прекратить издеваться, а я думаю, ведь надо мной ты позволял издеваться, тощий ублюдок, но сейчас тощий ублюдок всех наивно спрашивает, почему мы поступаем, как подростки с улицы. Андрей отвечает, что действительно наше общее поведение непозволительно, простите, исправимся, но даже мне видно издалека его притворство и плохо скрываема ухмылка пустоголового наглеца. В конце рабочего дня первым уходит начальник, а мы вновь приклеиваем листок со смайликом на положенное место.

В трамвае я локтями отвоевываю себе кресло и с победным кличем плюхаюсь, даже не посмотрев на стоящих вокруг и рядом старух и, возможно, беременных девушек-женщин. Набираю сообщение Лене, что-то скабрзное, ставшее почти привычным в нашем общении, а потом пишу о том, что вскоре меня назначат заместителем начальника (!), сопроводив текст горой смайликов. Потом размышляю, почему эти пошлости в общении постоянно просачиваются среди разговора и сообщений, ведь мы знакомы недавно, да и к себе домой она меня так и не позвала до сих пор под предлогом чистоты ее/наших помыслов и воспитания. Но я быстро гоню ненужные мысли, заменяю их воспоминаниями побоев Станислава, очень надеюсь, что после случившегося девушка его бросила, да еще и со словами какой он никчемный, защитить ее не смог.

Вчера была первая часть вечернего шоу про женщин-телеведущих, их личную жизнь, и некоторые даже признались, что получили должность вовсе не из-за своей отличной учебы в университете. Сегодня будет вторая часть, и обещали пригласить мужей телеведущих и руководителей и столкнуть лбами, натравить, но, разумеется, напрямую было сказано другое.

Елена присылает в ответ мне тоже кучу смайликов и пошлые картинки с голыми девушками. В этот момент я слышу визг тормозов, крики, ужасно громкий стук-удар, трамвай покачивается и медленно переворачивается. На меня летят чьи-то сумки и пакеты, пассажиры оказываются сверху, теснят меня коленями, мордами, мне душно, почти нечем дышать. Меня придавили, а подниматься никто не спешит, только голосят и молят о помощи сверху. При ударе я влетел лбом в стекло, которое через мгновение лопнуло, и теперь чувствую горячую струйку, стекающую по виску на щеку и ухо. В глубине трамвая громко спрашивают, кто нас атакует. Наконец-то кому-то приходит в голову идея разбить верхние стекла, и постепенно давление на меня ослабевает, пассажиры выбираются наружу. Один грузный мужчина, визжащий в унисон с другими, в панике наступает ботинком на мое дорогое пальто, оставляя грязный отпечаток, а потом ступает мне на голову, и мой лоб снова погружается в россыпь осколков. Сначала я слышу свой стон, потом ругань, откровенную и грязную ругань, которой я пытаюсь достать этого трусливого ублюдка. Хватаюсь за его куртку и тяну вниз, не желая выпускать, и когда он снова падает на меня, из салона уже почти все выбрались, только самые медлительные и старые немощно пробираются сквозь дыры в окнах на вытянутых в помощь руках наружу. Я подтаскиваю себя и оказываюсь сверху этого уroda, ткнувшего меня своим ботинком,

начинаю его колотить кулаком по носу, а он пищит, зовет на помощь. Его глаза слезятся, и он бестолково машет руками, пытаюсь защититься, но я не умолим, ломаю его чертов нос, а потом окунаю щекой в кучу битого стекла, спрашивая глумливым шепотом, нравится ли ему. Он кричит, как резаная свинья, а я стягиваю с него ботинки, даже носки снимаю, удовлетворенно наблюдая его голые ноги и рассыпанные повсюду осколки стекла и чего-то еще, острого, ледяного, приговариваю угрожающе: «Будешь знать, как меня топтать, мудака!» и прыгаю из трамвая в окно, а мне помогают, вытаскивают.

Вокруг перевернутого на бок трамвая стоят любопытствующие зеваки, несколько автомобилей остановились, их водители и пассажиры помогают пострадавшим, мне протягивают взятый откуда-то стакан с кофе, беспокояно спрашивают о моем самочувствии, прикладывают салфетку ко лбу, пытаюсь остановить кровь. Осматриваюсь, и замечаю в середине пухлого тела трамвая огромную вмятину и легковушку: лобовое стекло разбито, капот смят, на нем лежит водитель с головой в багровых трещинах особенно просматривающихся на затылке. Его ноги еще в салоне автомобиля, упираются в сиденье.

Слышатся сирены, подъезжают две машины «скорой помощи», медики распределяются равномерно среди столпившихся пострадавших, осматривают тело водителя, а потом кладут его на носилки, прикрыв мертвеца с головы до пят белой простыней, а я разочарованно мечтаю, чтобы на его месте был Станислав. Раны и порезы на моем лице обрабатывают чем-то вонючим, а боль такая, что слезы из глаз, но я терплю, сжимаю зубы и отказываюсь от госпитализации. Смотрю, как из глубин трамвая достают избитого мною идиота: он без сознания, поэтому, чтобы его достать потребовалась помощь четырех мужчин. Такси приезжает через пару минут и, облегченно вздохнув, я успеваю вовремя на вторую часть вечернего ток-шоу.

Утром я рассматриваю свое покорженное лицо в смарт-зеркало, купленное пару дней назад. Весь лоб и часть правой щеки покрывает сетка царапин, тонких и глубоких, а вокруг синяки и следы йода. Возле линии волос замечаю пластырь, а под ним небольшая рана, кожа стянута швами, при этом я не помню, когда меня зашивали. Я чуть не плачу, когда одевшись в старый костюм, в котором ходил первый год работы, только устроившись в компанию, рассматриваю свое дорогое пальто и замечаю на нем множество клякс и крупный след ботинка. И хотя я отомстил, меня по-прежнему наполняет чувство бесконечной утраты. Перед работой я заносу пальто в химчистку, надев старенькую куртку, и вновь чуть не плачу, услышав, что такое пятно, возможно, не получится свести, а я говорю, что готов отдать любые деньги, только помогите.

Возле офиса я поднимаю осколок кирпича, захожу за ларек с уличной едой, и бью себя в лицо, в скулу, а потом чищу лицо снегом и бреду медленным шагом на работу. Взгляды коллег такие, как я и ожидал: у всех широко раскрыты в удивлении глаза, кто-то даже прикрывает раскрывшийся рот ладонями. Раздаются охи и ахи, все спрашивают, что со мной произошло, а я спрашиваю, что же никто не смотрит новости (?), не читает газет (?), и вкратце рассказываю о случившемся, опустив, разумеется, события с моим пальто и лицом того гада. И вот оно – долгожданное сочувствие! Я превращаюсь в желанного гостя у каждого рабочего стола, в каждом кабинете офиса, все жаждут услышать от меня, как именно все произошло.

Во второй половине дня меня вызывает к себе начальник, приглашает присесть, наливает виски на половину стакана, протягивает сигару, одну из тех, которые они курили со Стасом. Моя история его потрясает, ведь я кое-что еще добавил от себя, к примеру, спасение маленькой девочки из-под груды тел сваленных при столкновении пассажиров, еще я пытался спасти водителя злополучной легковушки, и медики при этом меня даже оттаскивали от него. На этих словах я немного прикусил язык и у меня появились слезы, которые я небрежно смахнул, а сам

думал, неужели поверит (?), а начальник и правда, скупно сжал кулаки и челюсть, а потом внезапно подошел и обнял меня, пролив виски на ламинат. Голосом, не терпящим возражений, он прогоняет меня в больничный отпуск, а я мужественно отказываюсь, но он настаивает, говорит, хотя бы на пару дней, отлежаться, отдохнуть, почистить мысли... за счет компании. Не веря собственным глазам, я получаю конверт с деньгами. Все коллеги скинулись, как он выразился, «на лечение», а я бормочу невнятно, потом чуть громче, что не надо было..., но конверт прячется в моей куртке, а дома я вижу в нем несколько крупных купюр и надеюсь, этого хватит заплатить по счету химчистки.

Делаю фотографию своего разбитого, но мужественного лица, и отправляю Лене. Потягивая оставшуюся половину бутылки коньяка, я смотрю на черный экран смартфона и, не проходит и двух минут, как раздается звонок от Лены, и я слышу ее обеспокоенный звонкий голос. Она тараторит, возмущается, почему я не в больнице, за мной нужен уход. На фоне слышны детские крики, визг, я притворяюсь, что хочу спать, нужна тишина, и мы договариваемся о встрече сегодня вечером у меня.

В ближайшем магазине я беру пару бутылок вина, фрукты, разные виды сыров, все необходимое для романтического вечера, по примеру одного из любовных фильмов, которые давным-давно мы смотрели вместе с Вероникой. Тогда она прижималась ко мне под пледом зимним вечером в съемном на выходные загородном доме, вздыхала и хлюпала носом, когда главные герои фильма то расставались, то встречались и вновь любили.

Я вклинился в длинную вереницу очереди на кассу, рассматривая покупателей, их тупых капризных детей, заполненные под завязку продуктами корзины и тележки. Бутылки молока, пиво, кефир, пласты сыров, штабели бытовой химии, водка и водка и коньяк, колбасы, соусы, чипсы, шоколад и мешки с конфетами. Представил, как массивная женщина, стоящая впереди меня, едва толкающая переполненную тележку, вливает в себя одновременно молоко и очиститель для канализационных труб из двух бутылок. Вся эта смесь течет по ее оплывшей шее, складкам под кофтой, и она потом еще смачно отрыгивает и игриво подмигивает. Я почувствовал подкатывающую тошноту, тело согнуло в конвульсиях. Из-за побоев на лице почти все постоянно пялятся на меня по всему супермаркету, но теперь каждый презрительно и надменно посмотрел на мои муки и, вероятно подумал, что я местный алкаш, один из моих *дядьев*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.